

Кызласов И.Л.
(г.Москва)

**РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ПОМИНАЛЬНЫХ
ОГРАДОК МОГИЛЬНИКА ЭДЕГЕЙ
(Факты вторичного использования
древнетюркских оградок VI-VIII в. в раннем
средневековье)**

Могильник открыт в Туве в 1978 г. Л.Р. Кызласовым в 16 км севернее г. Ак-Довурак на левом берегу р. Эдегей (левого притока р. Хемчик) у подножия ограничивающих долину с севера гор Чинге-Даг — южного отрога хребта Малый Тулган-Хара (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1979, с. 241). По западной границе курганного поля проходит шоссе Ак-Довурак — Абаза (километровый столб 16/222). Могильник состоит из восьми квадратных курганов уюкской культуры (VII-III вв. до н.э.), двумя группами занимающих его западную и северо-западную части, двух круглых, вероятно, средневековых курганов (разобщённо расположенных в северо-западной и южной стороне) и семнадцати поминальных сооружений в виде одиночных или сгруппированных оград из зарытых на ребро плит (рис. 1). Часть оград также может принадлежать к уюкской эпохе, но некоторые из них, вероятно, были повторно использованы тюрками-тугю, установившими у оград свои изваяния и столбики-балбалы. У двух таких оградок (№ 5 и 17) были обнаружены стелы с руническими надписями Эдегей I, II (Ю 12) и III (Ю 13)¹. Обе последние относились к оградке 17, спаренной с сооружением 18 (рис. 2) Объект был изучен в 1987 г. единым раскопом, в котором обнаружено ещё три памятника рунического письма (Ю 15 — Ю 17). Эпиграфические материалы уже опубликованы (Кызласов И.Л., 1989, с. 110-113, 119-122, рис. 4-10; 1990, с. 105-117, рис. 31-35; 1994, с. 51, 309-316, рис. 5, 35). Здесь приводятся археологические данные.

Смежные квадратные оградки 17 и 18 имели одну общую сторону и были ориентированы углами по странам света (рис. 3). При ширине соответственно 2,85 и 2,4 м все сооружение тянулось с юго-запада на северо-восток на 6,45 м. В центре юго-западной оградки 17 стояла узкая стела с надписью Ю 12 (к началу раскопок вывезенная в Хакасский республиканский музей, инв. № 5677/8). В ограде 18 вертикальных плит было две (высота юго-западной составляла 2,23 м, от северо-восточной уцелело лишь основание). Раскопки выявили третью смежную оградку 17А небольших размеров (95 х 85 см), примыкавшую к центру юго-западной стенки оградки 17 и сооружённую с отклонением к западу от длинной оси основного объекта (под

углом около 44°). Внутри неё также обнаружено основание вертикально стоявшей стелы (Рис. 4). Плиты, стоявшие в середине оград, узкими гранями направлены на восток или юго-восток. Также ориентированы и стелы, некогда водруженные по углам центральной оградки 17: с юго-восточной стороны сохранились их основания, а у северо-западного борта два длинных камня лежат, возможно, они вывернутые с первоначальных мест. Остатки сложенных стел лежат и у северо-восточной стороны оградки 18, можно полагать, что у двух её внешних углов некогда также стояли менгиры. Стелы в центре оград обычны для могильника Эдегей (они видны у нераскопанных объектов № 5, 6, 15, 16, 35 — рис. 1).

Снаружи, у середины одной из сторон каждой оградки (юго-восточных для 17 и 18 и восточной для 17А), были установлены дополнительные стелы или каменные изваяния. Их ориентация иная, все они направлены своей широкой стороной на восток или юго-восток. Поперечные размеры камней у оградки 17А были 11 х 26 см, а у оградки 18 — 6 х 24 см. На месте сохранилось только изваяние у оградки 17. Это брус сланца (17 х 28 см), возвышающийся над землёю на 126 см. Снаружи в его верхней части неглубокой точечной выбивкой с последующей шлифовкой выбита личина, высотой 32 см и шириной во всю грань камня (рис. 5, 1). Кроме бровей, миндалевидных глаз, округлых скульп и широкого носа, показан рот и заостряющийся подбородок. В 55 см ниже лица в этой же технике с наклоном справа налево выбита поперечная линия с крюковидным ответвлением кверху (вероятно, это схематическое изображение правой руки с сосудом). На груди изваяния — многочисленные наслоившиеся изображения более позднего времени. Наиболее свежим является ромб с двумя ответвлениями, выбитый поверх подбородка личины (он нанесен редкой светлой точкой). Соседняя фигура с двумя отводами направо выполнена в технике, сходной с личиной, но выбивка здесь мельче. В третьей манере нанесены две Г-образных полосы тяжа по бокам стелы и большое бобовидное пятно в середине. Ими перебита резная фигура обращенного налево старца и широкий двойной П-образный знак. Судя по технике выбивки, к тому же самому позднему слою изображений, по сути характеризующих традиционную этнографическую культуру современных тувинцев, относится и находящаяся ниже фигура горного козла. Левее неё — вертикальная полоса, нанесённая длинным скользящим штрихом, т.е. также в очень поздней манере. Завершает изображения сетка, образованная глубокими резными линиями, перекрывающими описанную косую черту изваяния. На спине изваяния поздней точечной техникой также нанесены разрозненные фигуры, относящиеся к традиционной культуре тувинцев. Тело и голова всадника и корпус лошади созданы глубокой и

1 Сокращённое обозначение рунических письменных памятников указывает на их алфавитную принадлежность (южноенисейская письменность) и порядковый номер в сводном издании (Кызласов И.Л., 1994. приложение).

частой, а их конечности, как и все вышележащие знаки — редкой и неглубокой выбивкой (рис. 6). Аналогичное изображение всадника и три линейных знака встречены на массивной плите (70 x 27 см), вероятно, обломке стелы (находка 2, рис. 7), лежавшей в 1,5 м от юго-восточной стенки оградки 18 (рис. 4).

От объекта на юго-восток тянутся три ряда столбиков-балбалов (рис. 1, 3, 4), что соответствует числу оградок. Длина ряда, идущего от оградки 18 около 20 м, от оградки 17 — около 70 м, от оградки 17А — около 17 м. Первые балбалы всех трёх рядов отстоят от юго-восточных стенок сооружения практически на одинаковое расстояние: 345, 345 и 335 см.

Внутренняя поверхность оградок до раскопок была заполнена сланцевыми плитками, часть которых была обломками стел и бортов сооружения (рис. 3). Развал плиток наблюдался и за пределами оградок, более всего к юго-западу и, особенно, к югу и востоку. Оградка 17А была перекрыта обломками сланцевых плиток и заложена мелкими рваными кусками мрамора (толщина забутовки 20 см). Ниже шёл тонкий слой (в 6 см) бессистемно набросанных сланцевых плиток. Близ стелы у юго-восточной стороны оградки найдена плохо сохранившаяся вторая фаланга лошади.

Заполнение оградки 17 было трёхслойным. Верхний слой — результат разрушения памятника, ниже шла основная закладка, состоящая из небольших и мелких кусков рваного камня (как сланца, так и мрамора — рис. 4). Третий уровень (на глубине 14-20 см от поверхности) составлял пол — горизонтальная тщательно уложенная сплошная вымостка из сланцевых плиток, помещённых на светлый супесчанно-щебёнистый материковый грунт (рис. 8). Кое-где плиты были положены в два слоя или находили друг на друга краями, подобно черепичной кладке. Вымостка повышалась к центру. У юго-западных и юго-восточных стенок сооружения изнутри замечены горизонтально идущие глубокие линии-резы, видимо, появившиеся в результате притирания к бортам крайних плит выкладки. Близ северо-западной и юго-восточной стенок преобладают довольно мелкие плитки (27 x 22, 30 x 16 см и т.п.), у противоположных сторон — крупные (120 x 27, 70 x 40 см и т.п.).

Порядок заполнения оградки 18 во всем подобен описанному. На глубине 10-20 см (в среднем 12-15 см) она была вымощена длинными крупными плитами (от 130 x 33 до 30 x 25 см) и довольно толстыми (8-10 см) плитчатыми кусками сланца. Плиты вплотную подходили к стенкам оградки и основаниям двух установленных в ней менгиров. Просветы меж плит заложены кусками мрамора. На полу оградки в полуметре от северо-западной стенки найден округлый тёрочник из серого песчаника (находка 3, рис. 9, 1). Во втором слое заполнения близ юго-западной стенки встречен обломок

другого тёрочника (находка 4, рис. 9, 2).

Боковые плиты оградок не выдержали давления заполнения и наклонены наружу, поскольку первоначально были углублены в материк только на 5-7 см. Ширина канавок, в которые они были установлены, всюду составляет 15-16 см, Забутовкой послужили мелкие куски рваного камня (преимущественно кальцита), а также небольшие сланцевые плитки (длиною до 27 см), поставленные на ребро.

Последовательность примыкания плит смежных сторон указывает на то, что первой была сооружена центральная оградка 17, затем 18. Об этом же свидетельствует воспроизведение в ней такой же планировки и оформления угловыми стелами, как у объекта 17. Последней, имеющей самостоятельную ориентировку сторон, вероятно, была пристроенная оградка 17А. Быть может, общая конструкция была ещё сложнее — за северо-восточной стенкой оградки 18 было расчищено скопление плиток 18А, одна из которых по размерам и форме (93 x 29 x 6 см), несомненно, является обломком поваленной стелы. Здесь у самой стенки сохранились три плитки, врытые на ребро и в плане составляющие треугольник высотой 28 и основанием в 20 см.

На стеле, стоявшей в центре оградки 17, обнаружена руническая надпись Эдегей III (Ю 13), а на южной угловой — надпись Эдегей II (Ю 12). Ещё две плиты с подобными надписями Эдегей IV и V (Ю 15 и Ю 16) найдены под грунтом на юго-западном борту этой оградки и внутри близ него (рис. 4). Затёртость и выветренность двух этих надписей свидетельствуют, что они долгое время были на поверхности. Форма плит и соседство на второй из них надписи с выбитыми и резными фигурами позднего времени, также указывает на то, что перед нами обломки первоначально вертикально стоящих стел. Однако, этого, судя по всему, нельзя сказать о крупном бруске (160 x 26 x 11 см), выявленном при раскопках у внутренней юго-восточной стороны оградки 18 (рис. 4) и имеющем на верхней поверхности (в 40 см от конца) краткую надпись Эдегей VI (Ю 17). Считать, что он некогда стоял, а затем упал, мешает отсутствие под ним плит вымостки первоначального пола, сплошь выстилающих остальную площадь сооружения (рис. 8). Обратим внимание на то, что эти горизонтально уложенные внутри оградки 18 камни, по большей части являются крупными длинными плитами (что отличает здешнюю вымостку от пола оградки 17). Всё это позволяет думать, что и рассматриваемый длинный камень изначально был частью первоначального покрытия пола оградки 18. Вероятно, будучи толще других, он в эпоху нанесения надписи одной стороной торчал над поверхностью и был доступен для писца-резчика. Иными словами, ко времени создания надписи Ю 17 оградка уже существовала.

К этому заключению приводят и особенности

размещения других письменных памятников, связанных с объектом. Они были нанесены на стелы, невзирая на различия в их размещении, — и на центральные, и на угловые камни, и на лежащий брус. Таким образом, обрядовое различие этих менгиров и камней, несомненно, существовавшее для строителей оградок, для создателей надписей уже не имело значения. Строки Ю 12 и Ю 13 вырезаны на северо-восточных гранях стел, в то время как основным культовым направлением для тюркских поминальных оград Эдегея является юго-восточное: туда было обращено лицом изваяние, туда протянулись ряды бал-балов, с той стороны взирали на все части поминального сооружения участники скорбного ритуала. Сказанное убеждает в том, что рунические надписи являются следами вторичного использования тюркских поминальных оград VI— первой половины VIII в. в более позднее время.

Об этом же говорят и встреченные на плитах объекта резные изображения. Если первоначальное размещение нельзя установить для 6 мелких обломков плит с остатками резных рисунков (рис. 9, 3-7, 10, 2), образовавших скопление к востоку от изваяния (находка 1, рис. 4) и одного подобного фрагмента (рис. 10, 1), найденного перед изваянием (находка 6), то изображение всадника (находка 5, рис. 11) оказалось на обращенной к грунту нижней стороне камня (90 x 24 x 6 см), входившего в плотно лежавшую пачку из трёх крупных плит (размер наибольшей 130 x 35 x 5 см), располагавшую к северо-востоку от оградки 18 (рис. 4). Возможно, эти три плиты — расслоившаяся часть единого сланцевого блока, использовавшегося в качестве стелы. На центральной стеле оградки 17 оказалась вырезанная в том же стиле большая многоярусная композиция, изображающая облавную охоту (рис. 12-14). Здесь рисунки намеренно отделены от надписи Ю13 вертикальной бороздкой, т.е. явно составляют с ней композиционное единство и, следовательно, одновременны ей.

Интересные изображения оказались выгравированы на обломке плиты (рис. 15), лежавшем за пределами раскопа на поверхности степи к северо-востоку от оградки 18. Прежде всего привлекает внимание фигура конного копейщика в шлеме, грива его скакуна оформлена тремя остроугольными выступами. Подобное изображение гривы восходит к сасанидскому искусству IV-VI вв. Трём выстриженным прядям там обычно приданы прямоугольные очертания (Луконин В.Г., 1977, с. 164, 168, 176; Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987, рис. 25, 26, 62, табл. 14, 15; Harper P.O., Meijers P., 1981, pl. 10, 21, 30), хотя известны и особым образом выделенные три остроугольных зубца, близко расположенные друг к другу (Harper P.O., Meijers P., 1981, pl. 15, 17, X, XII, p. 193, № 12). Широко распространившись в южносибирской

графике, подобные воспроизведения стрижки имеют остроугольный вид (Appelgren-Kivalo H., 1931, Abb. 77-82, 86, 93; Кызласов Л.Р., 1949, с. 54; Гаврилова А.А., 1965, табл. VI, 2, XVI, 1), в том числе и в эпоху IX-X вв., что подтверждено рисунками, точно датированными по тамговым знакам (Кызласов Л.Р., 1969, рис. 41).

Такую же, как у описанных рисунков, лёгкую резную манеру встречаем в изображении старца, размещённом, как упоминалось, на изваянии, стоящем у оградки 17, ниже личины (рис. 5, 1). Хорошо известно, что дополнительные фигуры не относящиеся к сцене поминального пира (в нашем случае отличающиеся от личины и техникой нанесения), чужды семантике и иконографии древнетюркских изваяний, значит, для создания резного рисунка камень с личиной был использован позднее своего прямого ритуального применения.

Третий случай вторичного использования элементов тюркского поминального сооружения VI-VIII вв. на Эдегее находим на втором балбале, стоящем перед этим изваянием. На его северо-восточной стороне в уже знакомом стиле вырезана голова маралухи (рис. 16). Обычай водружения балбалов, как известно, обозначавших врагов, побеждённых умершим при жизни, не требовал никаких изображений. Столбик с маралухой был ещё и в недавнее время использован для нанесения на его юго-западную плоскость тамгового знака (рис. 17) — для современного тувинца он, так же как и для средневекового резчика, уже давно потерял свою первоначальную символику.

Резные изображения, выполненные в совершенно той же манере, встречены и на некоторых других изваяниях VI-VIII вв., сохранившихся на этом могильном поле. Так, на стеле с личиной, бывшей у крайней западной цепочки оградок (рис. 1, 35), удалось разглядеть тонко вычерченную заднюю ногу коня. Это изображение, свидетельствующее о вторичном использовании древнетюркского изваяния в эпоху рунических надписей, в свою очередь перекрыто более поздними резами и тамговым знаком (рис. 5, 2).

Раскопки дают некоторые основания полагать, что и тюрки-тугу в VI — первой половине VIII в. дополнили необходимыми для своих ритуалов деталями поминальное сооружение более раннего времени. Судить о том, что оградки 17 и 18 были сооружены ещё в раннем железном веке позволяют поставленные в их центры менгиры. Вертикальные камни в оградках из плит — это обычные памятники уюкской культуры Тувы и Монголии так же, как и пазырыкской культуры Алтая (VI-III вв. до н.э.). Правда, и те и другие отличает прямоугольность, а не квадратность оград и относительно небольшие размеры, но привлекает внимание нередкое размещение в них нескольких стел (чаще пары) (Кызласов Л.Р., 1979, с. 77-78; Кубарев В.Д., 1979, с. 32-33), как это наблюдается и в эдегейской оградке 18 (и в

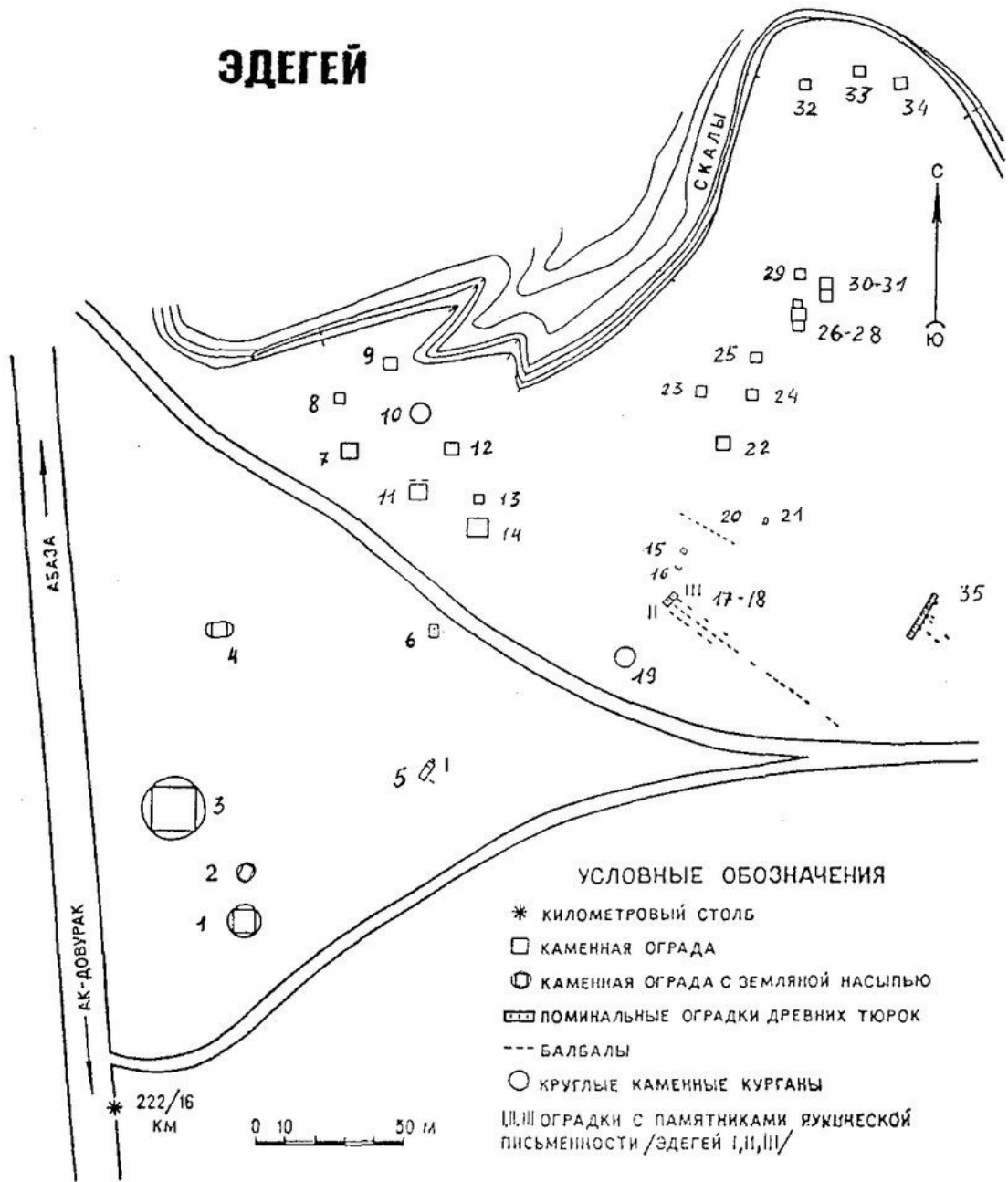

Рис. 1

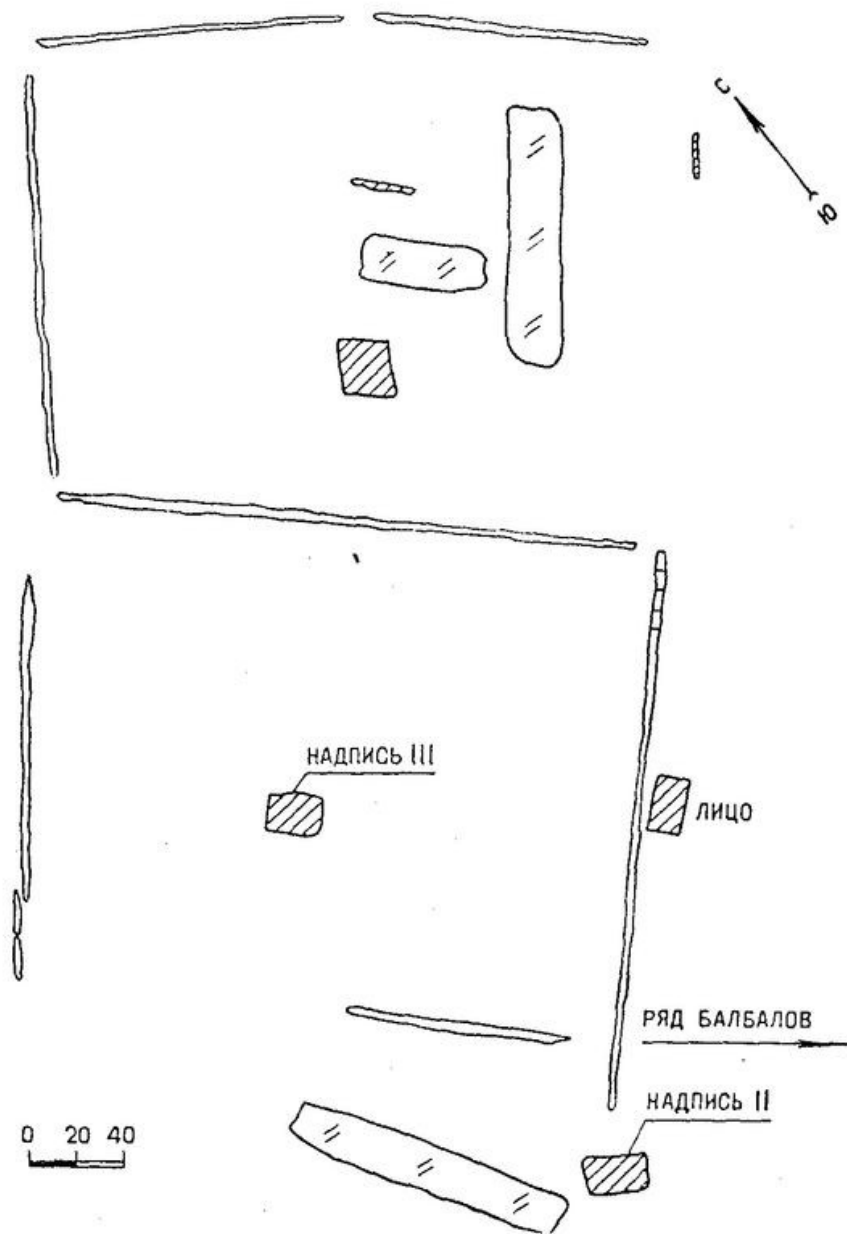

Рис. 2

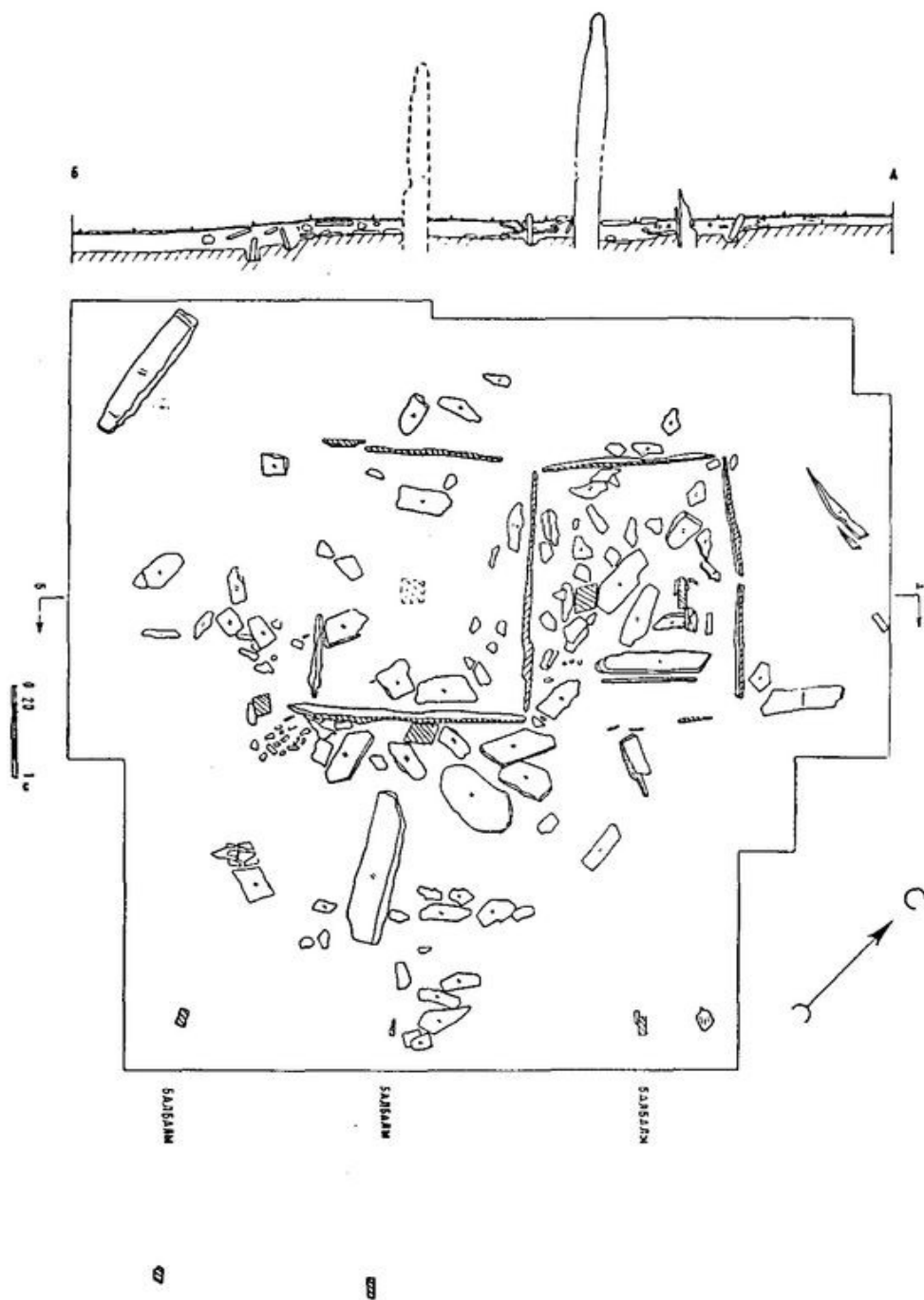

Рис. 3

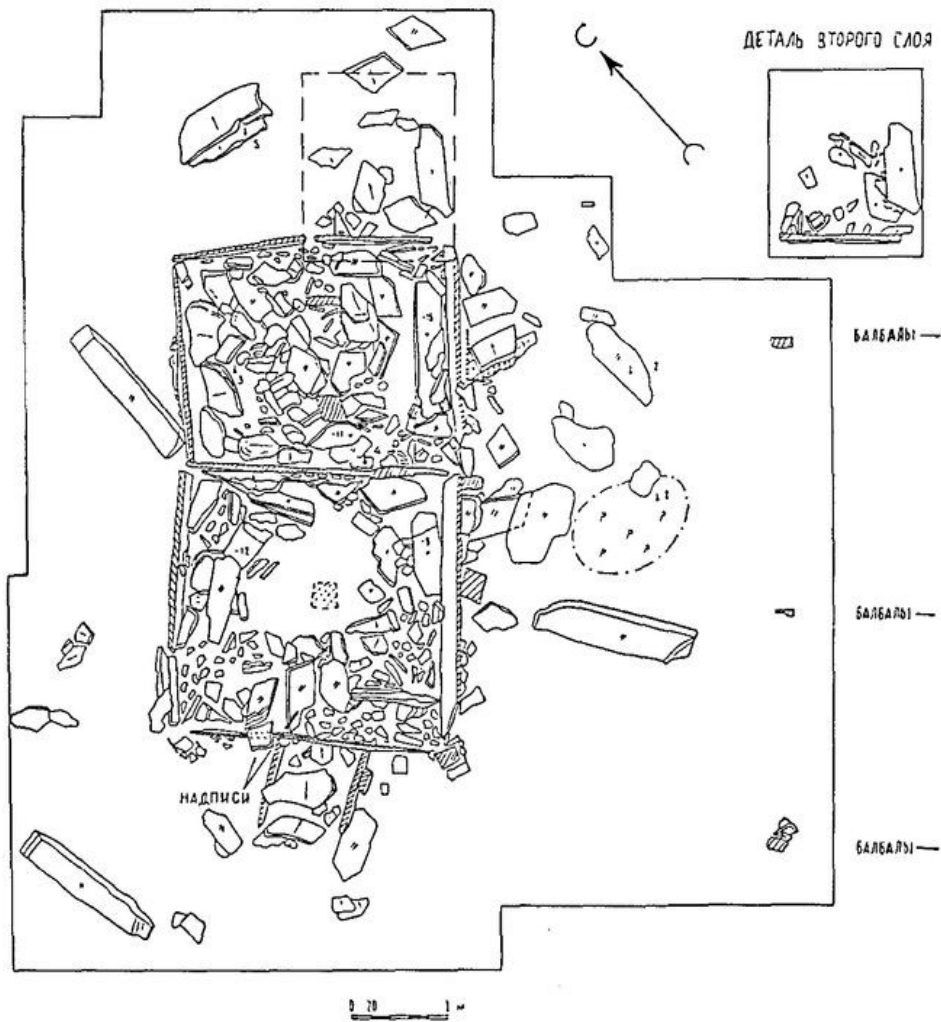

Рис. 4

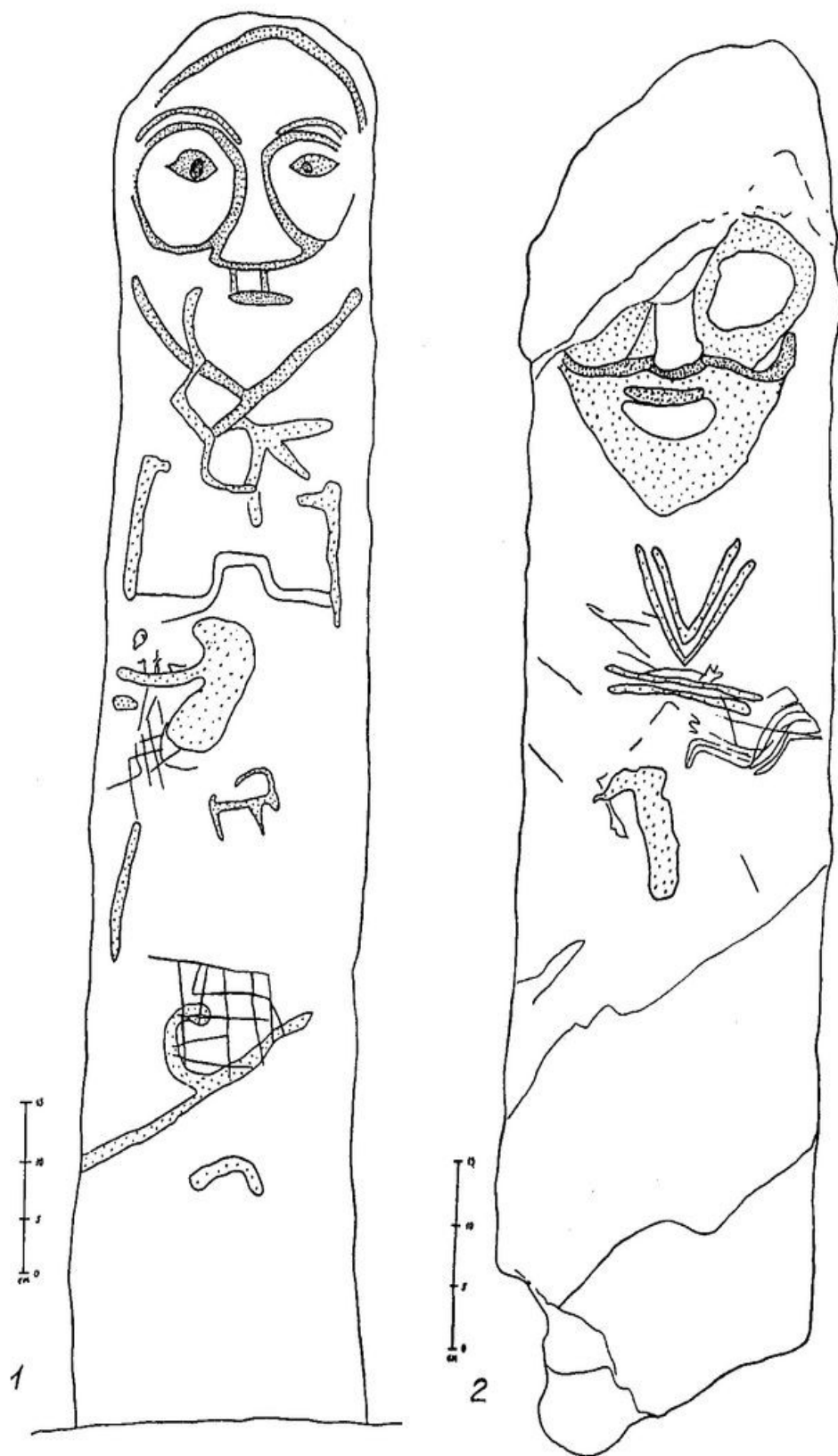

Рис. 5

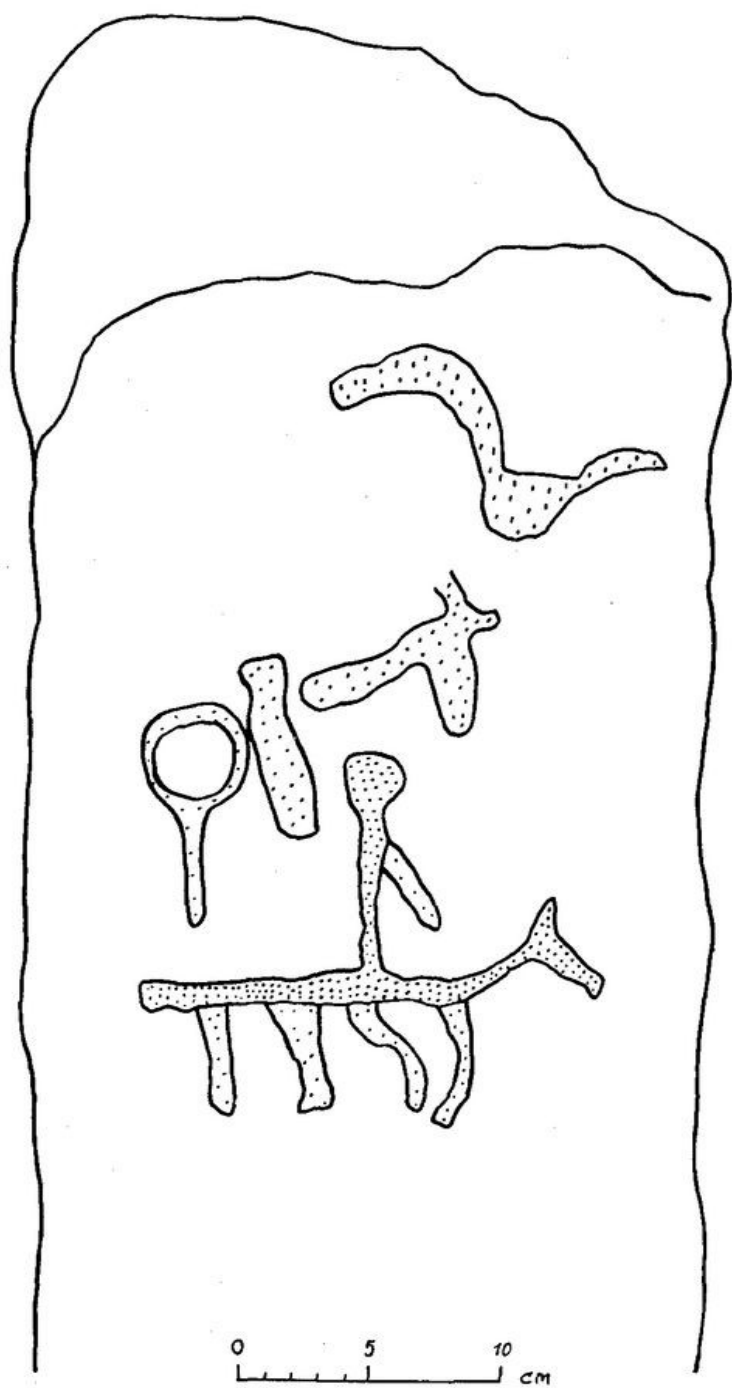

Рис. 6

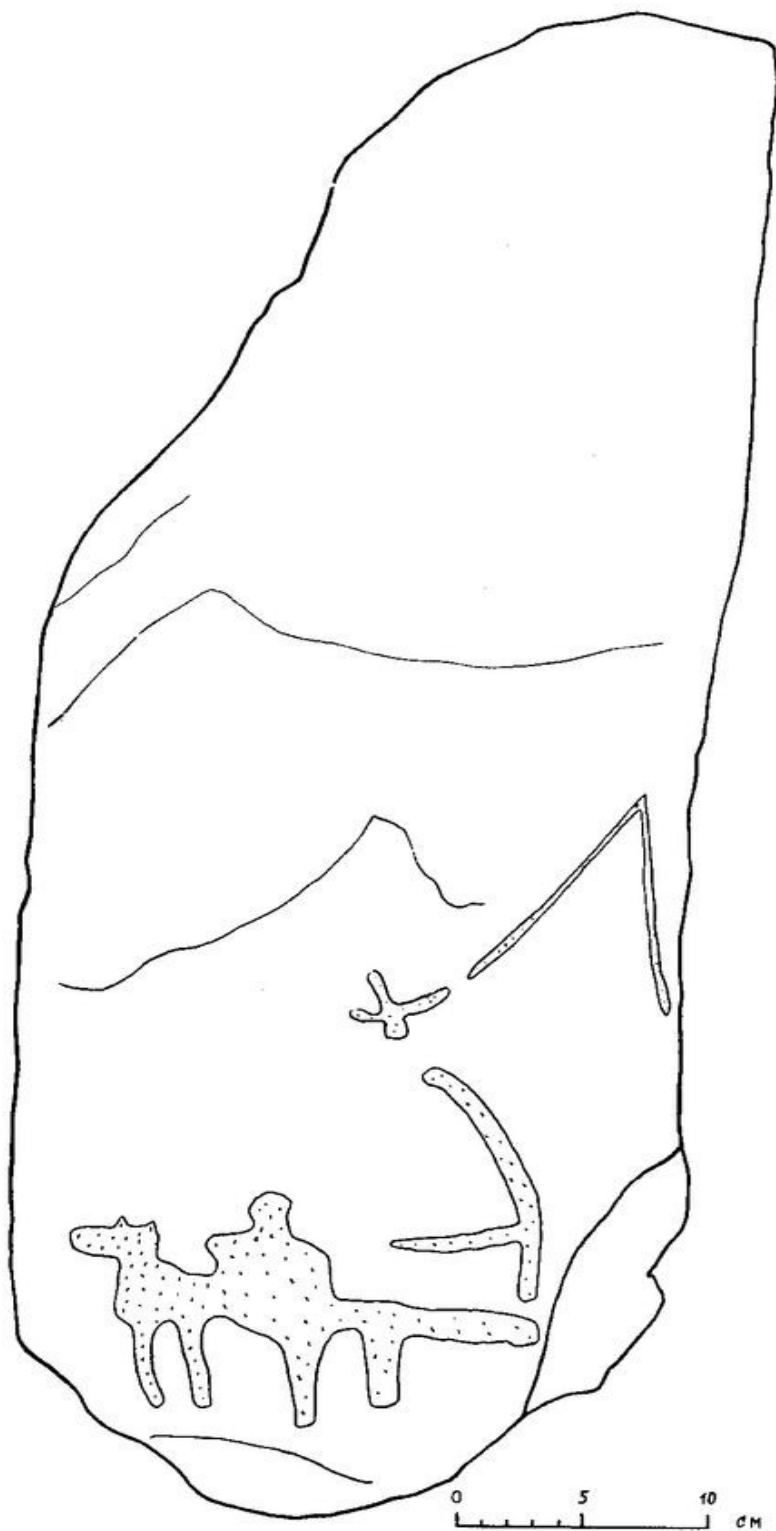

Рис. 7

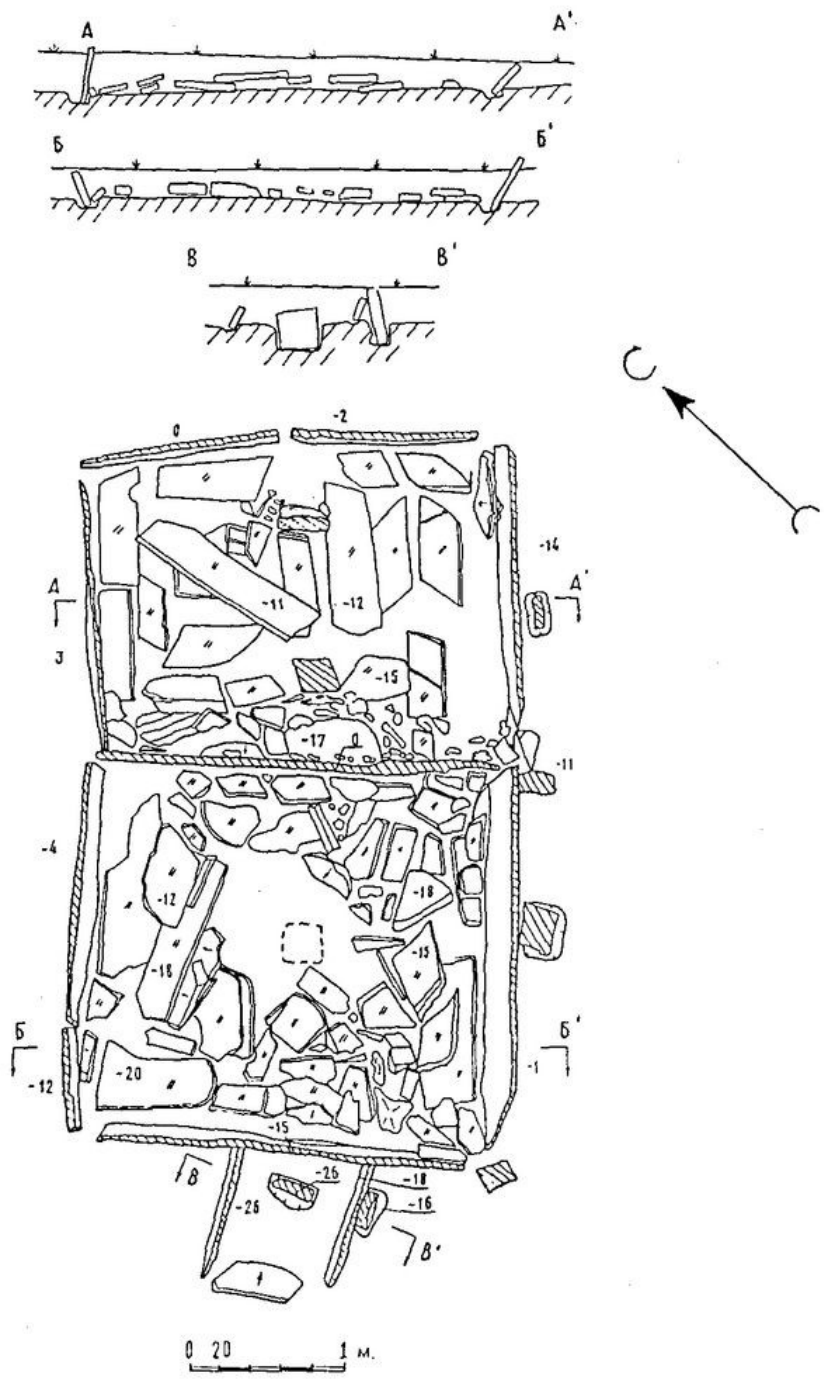

Рис. 8

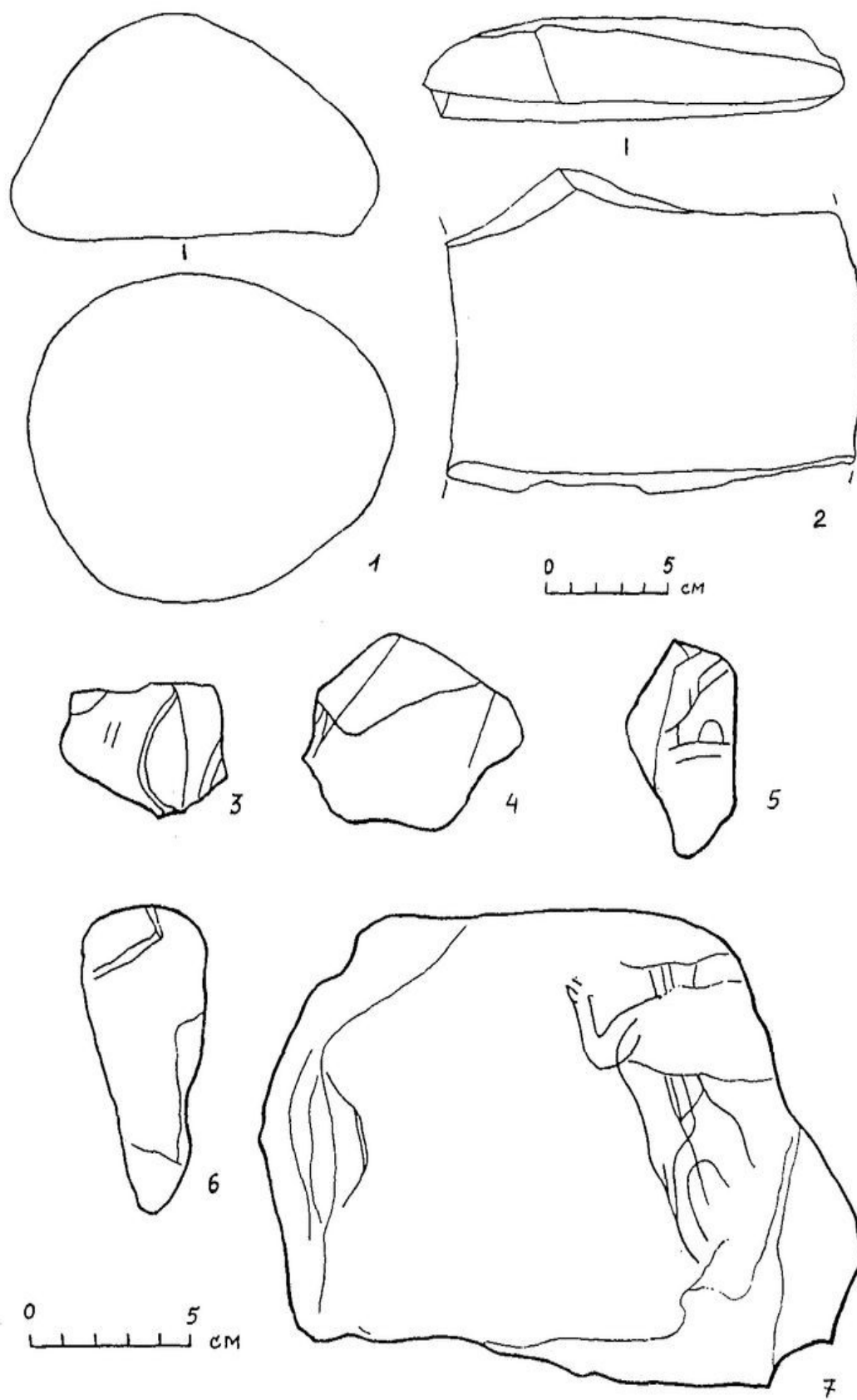

Рис. 9

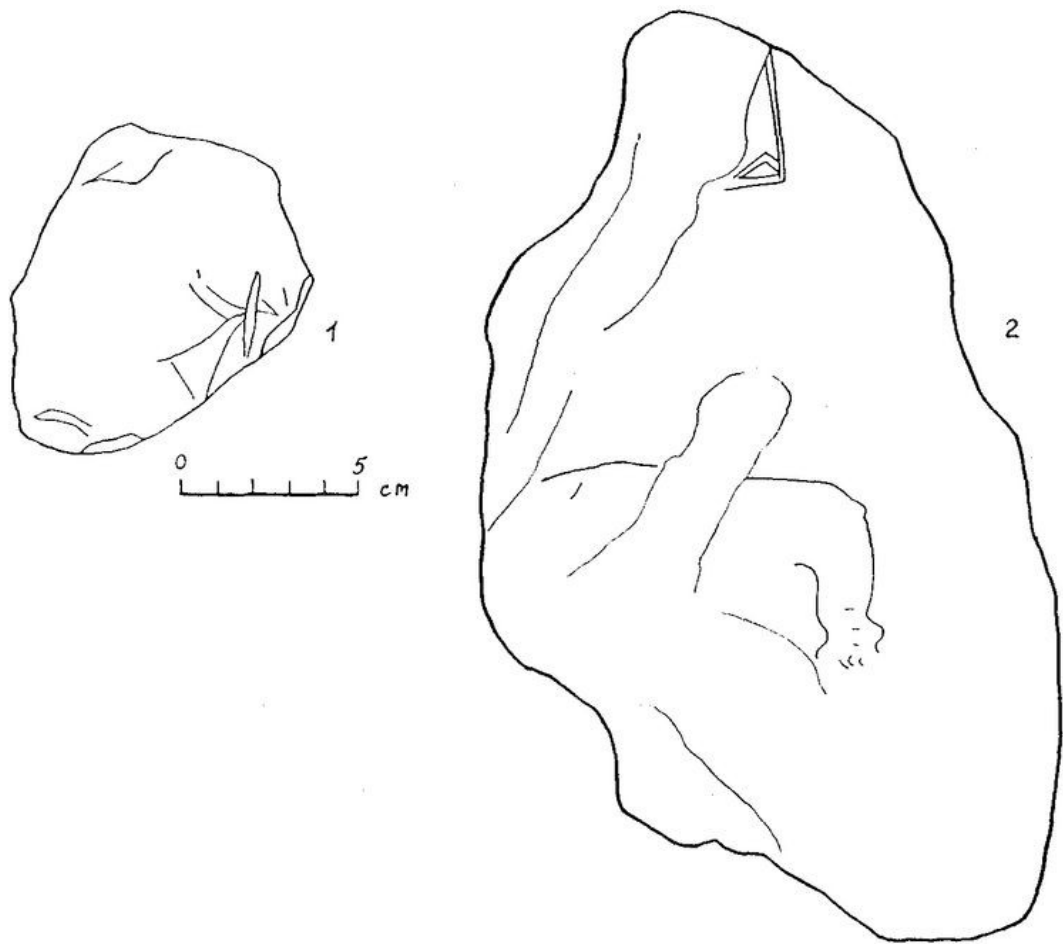

Рис. 10

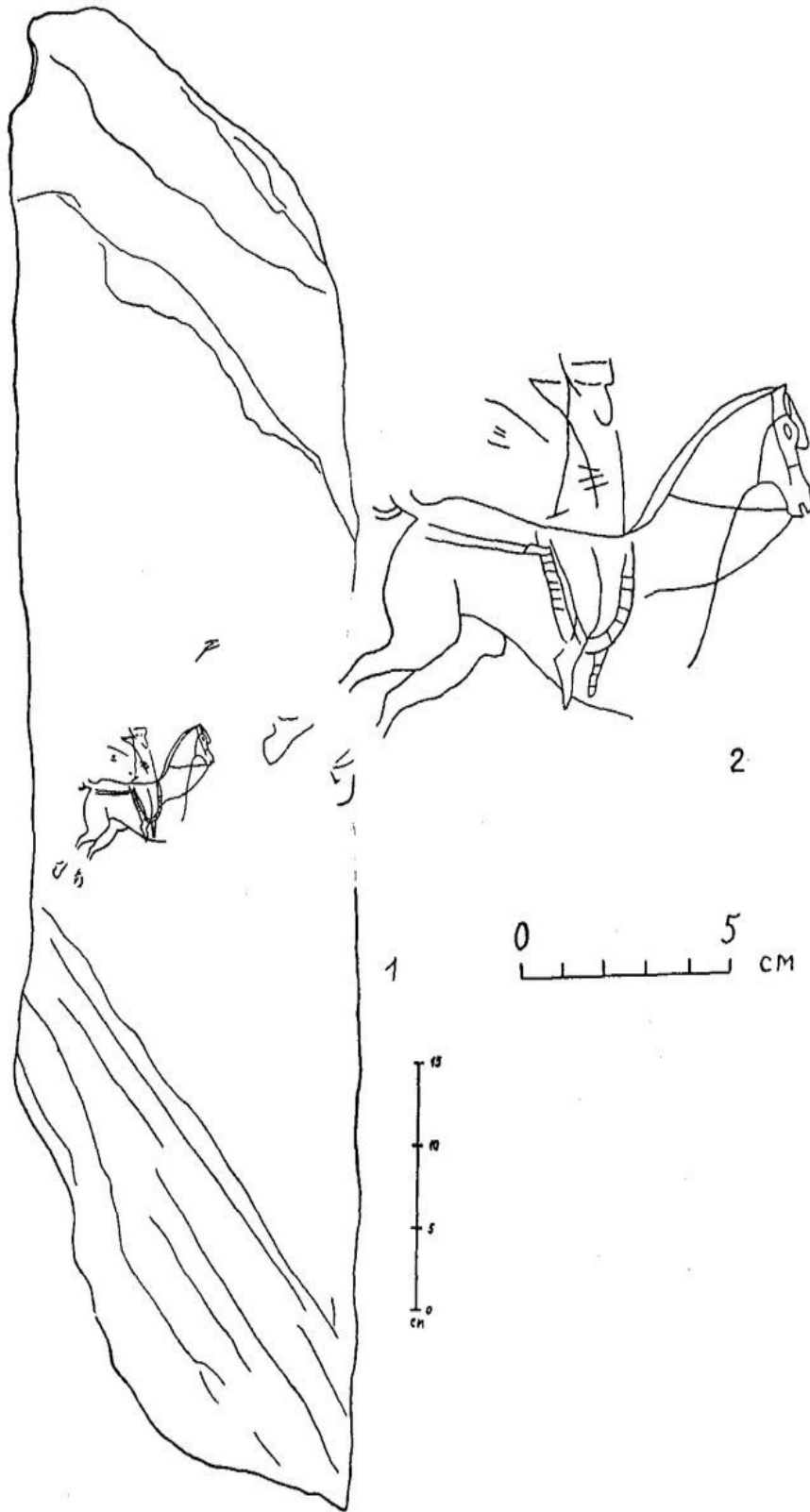

Рис. 11

Рис. 12

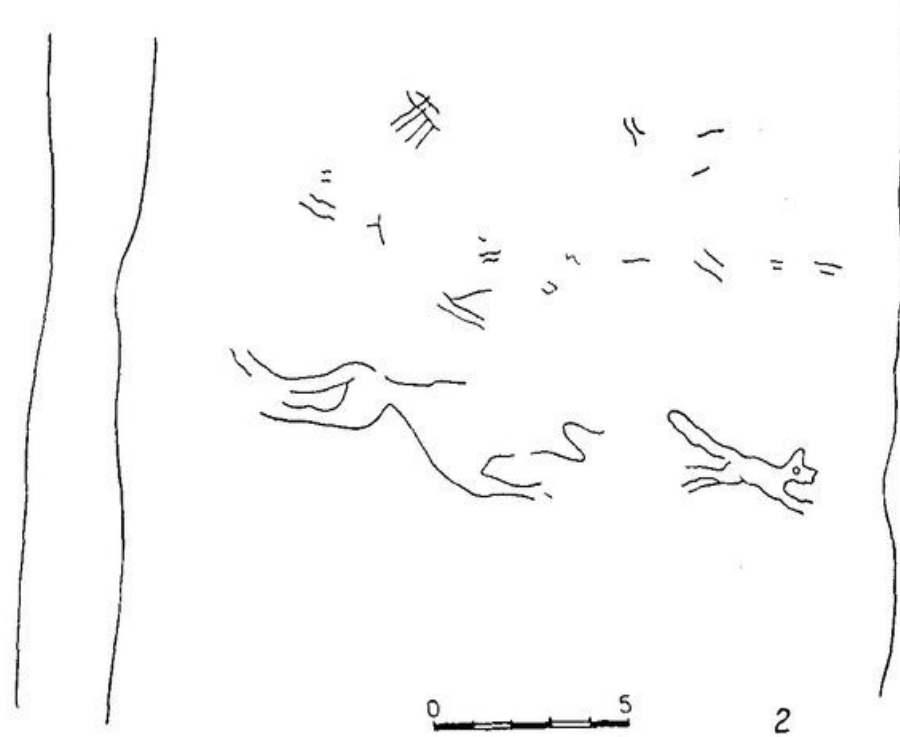
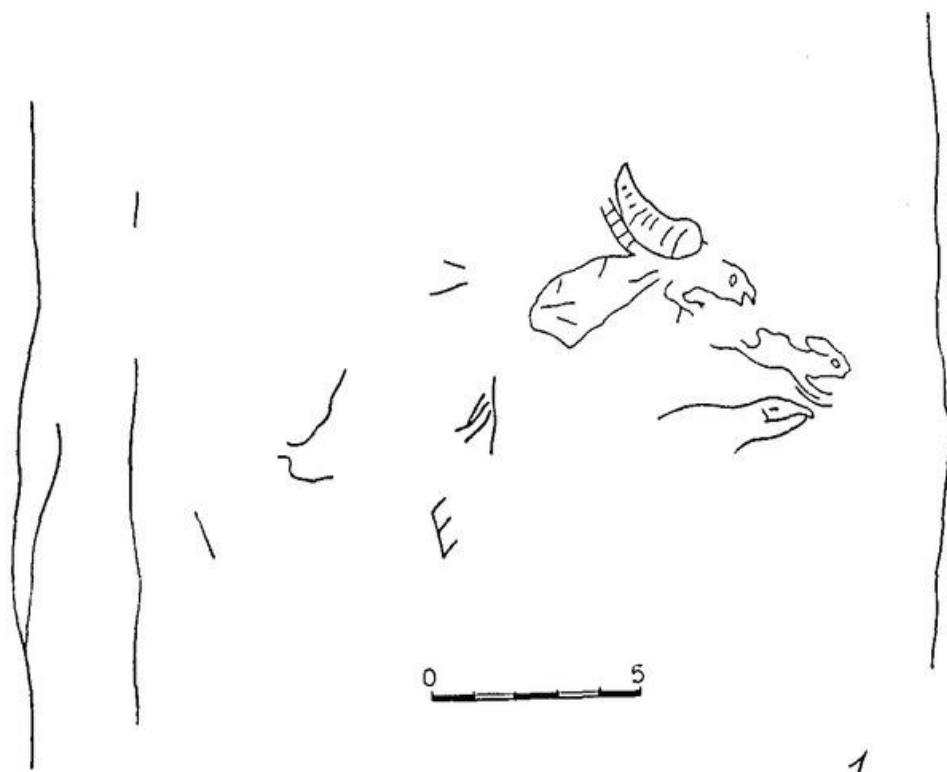

Рис. 13

Рис. 14

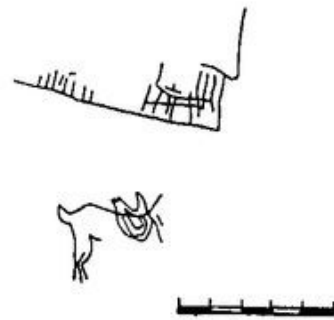
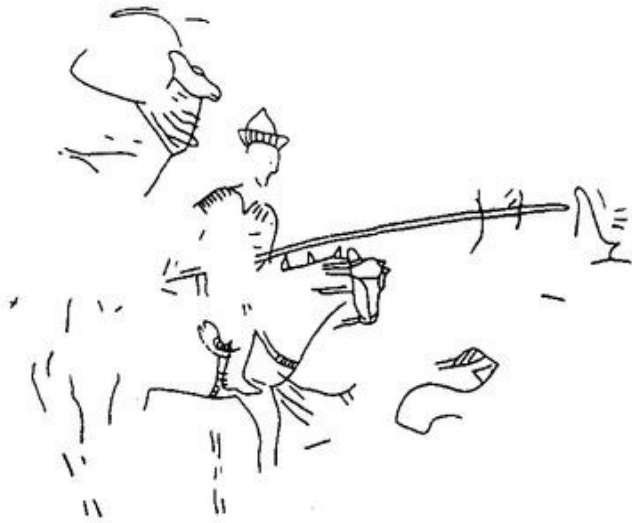

Рис. 15

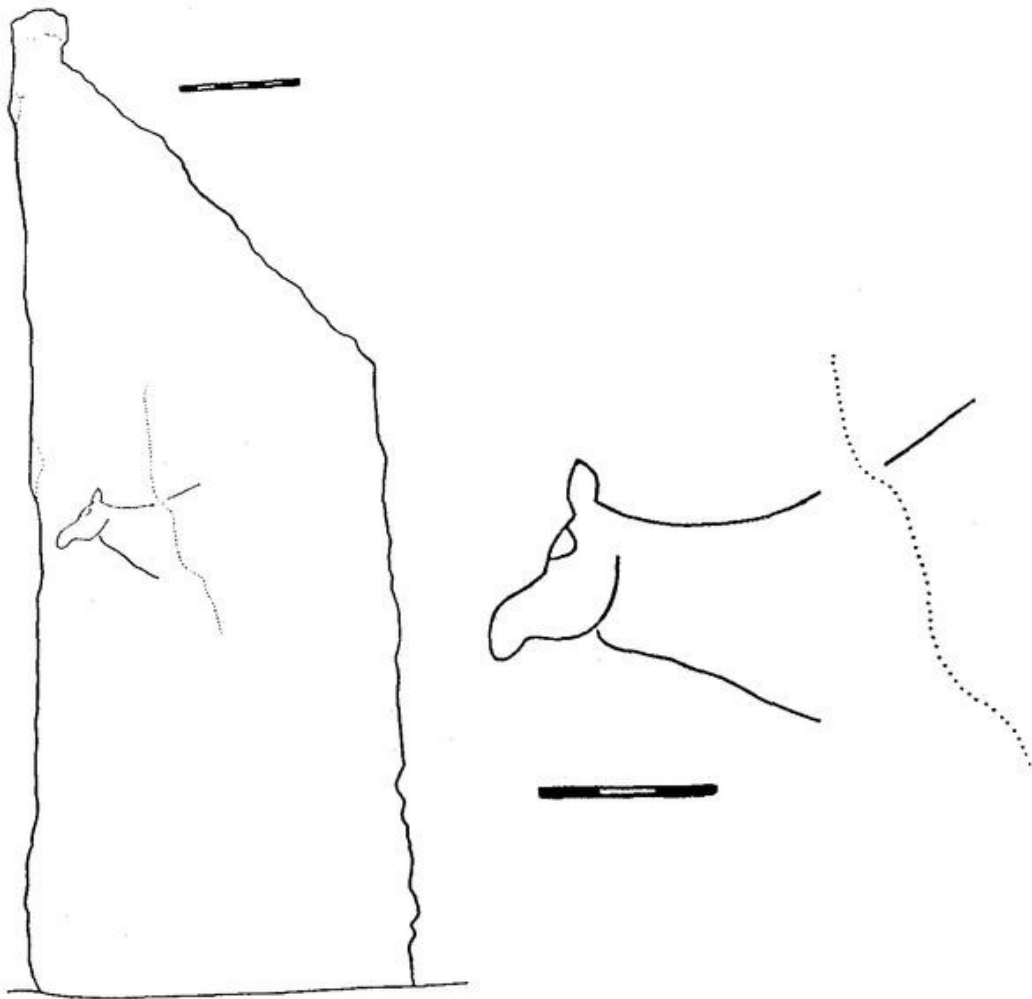

Рис. 16

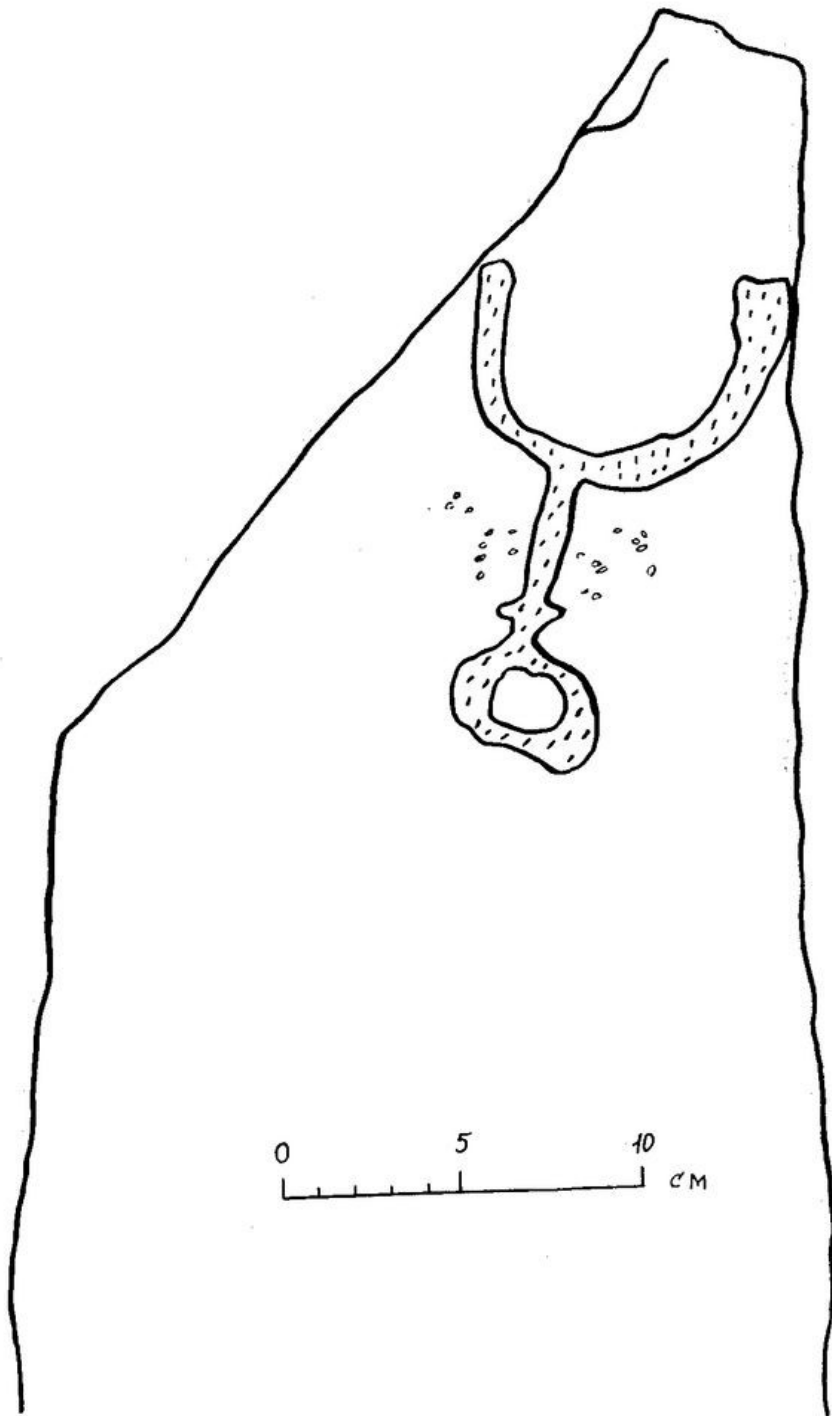

Рис. 17

некоторых нераскопанных оградках могильника, например, № 5). Очень архаичными выглядят и найденные здесь предметы-тёрочки (рис. 9, 1,2). Быть может, не случайно совпадение другой особенности рассматриваемого объекта и ограды на алтайской речке Бар-Бургазы, раскопанной В.Д. Кубаревым и связываемой им с ранним железным веком, — кроме центрального менгира оба памятника украшены и вертикальными угловыми камнями. Такое оформление нехарактерно для древнетюркских оград VI — первой половины VIII в. Хотя его можно сопоставить с иногда открываемыми при раскопках остатками угловых деревянных столбиков, как и стоящие в середине менгиры допустимо сопоставлять со встреченными в центре древнетюркских оград остатками деревянных столбов или стволов (Кубарев В.Д., 1984, рис. 11, табл. XIV, 1, XVIII, 7, XXX, 1, XLI, 1, с. 64)², всё же пока поостережёмся делать это: особенности уже многочисленных раскопанных оградок требуют аргументированной классификации, а сами ограды — раскопок площадями более широкими, чем это обычно делается.

Итак, если использование тюрками-тугу для сооружения своих поминальных памятников в VI — первой половине VIII в. уже бывших в степи древних конструкций раннего железного века (типа Эдегея в Туве и Бар-Бургазы на Алтае) ещё требует подтверждения (сюда следует привлечь и стелы с надписями, найденные на Алтае, см.: (Кызласов И.Л., 1997)), то вторичное использование их собственных оградок в более позднее время сомнений не вызывает. Речь идет не о современных тувинских рисунках и надписях, а о культовой деятельности самих тюрков-тугу уже в IX-X вв. — в эпоху, представленную на Эдегее резными рисунками и руническими надписями. Этот факт устанавливается многократными приведенными здесь наблюдениями, полученными при раскопках публикуемого памятника: расположением и стилистикой резных рисунков, размещением и палеографией рунических надписей, нанесённых на стелы, изваяния и балбалы. Продолжение раскопок эдегейских оградок весьма перспективно — оно, несомненно, способно принести новые данные по интересующей нас проблеме.

Вторичное использование тюрками IX-X вв., уже не соорудившими оградок и не создававшими изваяний, поминальных памятников собственных предков может быть подтверждено и другими южносибирскими материалами. Ныне именно они нередко служат основанием для уже распространённого в литературе ошибочного мнения о сооружении древнетюркских оградок позже середины VIII в.

² Проводя систематику оградок Алтая, В.Д.Кубарев, к сожалению, не сообщает число объектов каждого выделяемого типа.

Рассмотрение этих материалов должно составить предмет особого исследования.

Раскопщикам следует помнить, что внешне простые поминальные ограды на деле принадлежат к весьма непростым археологическим объектам, доступным для разнообразного и многократного использования во все времена, прошедшие с момента их создания. Тщательное выяснение строительной и ритуальной истории каждого такого объекта — обязательная и самостоятельная задача полевых исследований Южной Сибири.

Литература

- Appelgren-Kivalo Н., 1931 Alt-Altische Kunstdenkmaler. Helsingfors.
- Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.
- Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
- Кызласов И.Л., 1988. Новая руническая письменность Южной Сибири// Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Кызласов И.Л., 1990. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М.
- Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.
- Кызласов И.Л., 1997. Стелы с руническими надписями на Алтае. К выделению местных групп енисейских эпитафий // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М.
- Кызласов Л.Р., 1949 К истории шаманских верований на Алтае// КСИИМК, вып. XXIX.
- Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.
- Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.
- Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1979. Изучение древнехакасских крепостей и замков// АО-1978. М.
- Луконин В.Т., 1977. Искусство древнего Ирана. М.,
- Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро. М.
- Harper P.O., Mejers P., 1981. Silver Vessels of the Sasanian Period. Vol. I: Royal Imagery. New York.

Список иллюстраций к статье И.Л.Кызласова

- Рис. 1. План могильника Эдегей.
- Рис. 2. Эдегей. План спаренных оградок 17 и 18, снятый в 1978 г. Заштрихованы вертикально стоящие стелы и изваяние, парные штрихи отмечают горизонтально лежащие плиты.
- Рис. 3. Эдегей. Ограды 17 и 18. План объекта до раскопок и его профиль. Условные знаки те же, что и на рис. 2. Сплошная линия — граница раскопа, наклон плиток помечен стрелкой, пунктирная фигура в центре ограды 17 — место

вывезенной стелы Эдегей III.

Рис. 4. Эдегей. Оградки 17 и 18. План после расчистки. Черными кружками с номером обозначены находки 1-5.

Рис. 5. Эдегей. 1 —изваяние, стоявшее у оградки 17, 2 — изваяние, стоявшее у цепочки оградок 35. Ныне оба в Хакасском республиканском краеведческом музее, инв. № 5677/9.

Рис. 6. Эдегей. Оградка 17. Изображения на затылке изваяния.

Рис. 7. Эдегей. Обломок стелы, лежавший перед оградкой 18 (находка 2).

Рис. 8. Эдегей. Оградки 17, 17А и 18. План по нижнему уровню и разрезы.

Рис. 9. Эдегей. Тёрочки из песчаника, происходящие из оградки 18: находка 3 (1), находка 4 (2). Обломки плиток с резными рисунками (3-7), найденные в к востоку от оградки 17 (находка 1): 3— лук (?); 7, слева —лук (?), справа — человек (?).

Рис. 10. Эдегей. Обломки плиток с резными рисунками, найденные перед изваянием (1— находка 6) и к востоку от оградки 17 (2— находка 1, задняя часть фигуры медведя).

Рис. 11. Эдегей. Обломок стелы с резным рисунком всадника (1), найденный за северо-

восточной стенкой оградки 18 (находка 5). Деталь изображения (2). Ныне в Хакасском республиканском краеведческом музее, инв. № 5677.

Рис. 12. Эдегей. Оградка 17. Стела с надписью Эдегей III (Ю 13) и многоярусным изображением облавной охоты (1). Детали изображения (2, 3). Ныне в Хакасском республиканском краеведческом музее, инв. № 5677/8.

Рис. 13. Эдегей. Оградка 17. Детали изображения на стеле.

Рис. 14. Эдегей. Оградка 17. Детали изображения на стеле.

Рис. 15. Эдегей. Обломок плиты с резными рисунками, лежавший к северо-востоку от оградки 18. 1 — общий вид, 2 — деталь. Ныне в Хакасском республиканском музее, инв. № 5677/10.

Рис. 16. Эдегей. Второй балбал из ряда, тянущегося перед изваянием оградки 17. 1 — общий вид северо-восточной стороны, 2 — деталь.

Рис. 17. Эдегей. Вершина юго-западной стороны второго балбала, стоящего в ряду перед изваянием оградки 17.